А.В. БОГАТЫРЕВ
(Волгоград)

К ОСОБЕННОСТЯМ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассмотрены критерии текстуальности. Определены особенности понимания текста, функционирующего в рамках юридического дискурса.

Ключевые слова: *текст, дискурс, юридический дискурс, критерии.*

Ответ на вопрос, что мы можем называть «текстом», до сих пор неоднозначен в филологической науке. Понимание текста варьируется достаточно широко: от односложного выражения и даже символа [1, с.142] до книги с заголовком и комментариями [4, с.294]. При этом вопрос отнесения речевого отрезка к тексту не ограничивается только его протяженностью или наличием (отсутствием) заголовка. В соответствии с различными точками зрения на теорию текста существуют критерии, по которым исследователи относят речевой отрезок к тексту: письменная форма, завершенность, информативность, наличие прагматической установки, интертекстуальных связей, лексико-грамматическая связность и др. [12, с.17]. Однако наше видение заключается в том, что все эти признаки текста присущи к так называемому идеальному тексту, но на практике они могут варьироваться в зависимости от социолингвистической обусловленности функционирования текста. Соответственно в рамках конкретного институционального дискурса мы можем говорить о нехарактерных признаках и особенностях текста, который, например, в литературном и юридическом дискурсах может быть неодинаковым. В контексте сказанного попробуем описать критерии текстуальности, применимые к юридическому дискурсу.

Критерий «Письменная форма». Традиционно понимание, что текст должен иметь письменную форму, являясь «словами на странице» [6, с.18]. Своеобразным подтверждением этому служит мнение, что текст – «основная часть книги» [3, с. 903], что в оппозиции к тексту – письменному феномену – стоит дискурс – устный феномен [2, с. 26]. Данные взгляды перестают быть единственно верными, если предположить: выходит, текстов не было до появления письменности? Положительно ответить на этот вопрос не позволяют произведения устного народного творчества, часть которых появилась задолго до появления письменности. Да и в современном обществе, если человек не обучен чтению, то можно ли утверждать, что он не знаком с текстами, не знает их? Так, текст стихотворения или песенного произведения можно воспроизводить устно по памяти, не обладая навыком чтения. В связи с этим мы предлагаем утверждение, что текст может иметь как письменную, так и устную форму выражения. Именно данное мнение наиболее укладывается в понимание текста в рамках юридического дискурса. Письменный текст здесь появляется, когда реалии юридической сферы «институционально объективируются в виде текстов-документов (протоколы следственных действий, обвинительный акт, нотариальные действия – доверенности, завещания, извещение о наследстве и т. д.) [18, с.146]. Устными же текстами юридического дискурса можно считать более «живые» жанры: судебные речи, прения сторон, допрос свидетеля или подсудимого и проч. Принимая во внимание, что любой текст изначально формируется в сознании автора, письменная и устная формы текстов тесно переплетаются в рамках юридического дискурса, выступая в первичной или вторичной роли. Так, названный выше протокол допроса (имеет письменную форму) есть не что иное, как результат записывания устного текста. А судебная речь нередко становится воспроизведением заранее подготовленного адвокатом или прокурором письменного текста. Вспомним слова заслуженного юриста РФ Генриха Падвы: «Первые лет двадцать в моей адвокатской практике я так и делал – писал свои речи от и до. Все в них обдумывал, тщательно выверял. Вплоть до знаков препинания: долго взвешивал, что поставить в конце – точку, многоточие, восклицательный или вопросительный знак» [11]. И только после этого юрист воспроизводил письменный текст устно в зале суда. Таким образом, в рамках дискурсивного анализа юридических текстов имеет смысл обращаться не только к определениям «устный» и «письменный», но и уточняющим понятиям – «воспроизведенный», «записанный», т. к. последний, как минимум, может наследовать «значимые элементы вокальности от своего устного прародителя» [5, с. 2].

© Богатырев А.В., 2015

Критерий «Завершенность». Принято считать, что классический завершенный текст в риторике – это текст, имеющий трехчастную структуру: вступление, основная часть, концовка [17, с. 39]. Большая часть современных исследователей придерживается аналогичной структуры текста применительно к судебному (если брать шире – юридическому) дискурсу. Например, Н. Н. Ивакина утверждает, что судебная речь имеет три обязательные части: вступление, главную часть, заключение [15, с.110 –122]. Вместе с тем представитель римского ораторского искусства Марк Туллий Цицерон, который уделял серьезное внимание именно композиции судебных текстов, придерживался шести обязательных частей в них: вступление (замыкает внимание аудитории на ораторе); план выступления (доводит до аудитории основные позиции и тезис); рассказ о преступлении; доказательства (главная часть выступления, по мнению Цицерона); повторение решающих доводов (для их закрепления в памяти аудитории); подведение итогов [Там же, с. 56].

Как видим, завершенный в композиционном отношении текст Цицерона может быть переведен в трехчастное понимание: достаточно условно отнести первые две его части к вступлению; следующие три – к главной части, а подведение итогов приравнять к заключению. Но далеко не каждая современная судебная речь будет считаться завершенным текстом с позиции Цицерона (достаточно юристу не включить в структуру речи повторение решающих доводов).

Можно прийти к выводу, что завершенность – категория относительная, поэтому не может являться определяющей в качестве критерия текстуальности. Так, аналогичную структуру «завершенного текста» мы видим не только в судебной речи, но и в других текстах юридического дискурса, например в жалобах. Однако в силу того, что жалоба представляется в письменной форме, в ее структуре появляются дополнительные элементы:

– заголовок («Жалоба адвоката Н. Смирнова…»);

– обозначение адресата и производства («прокурору Нижне-Сергинского района Свердловской области… по делу…»);

– основная часть: основание жалобы («Следователь СО Н-Сергинского ОВД Мешавкин Ю.П. отклонил мое ходатайство…»), аргументы и опровержение тезисов оппонента («Несостоятелен тезис, что…», «По показаниям свидетелей…», «В первоначальной схеме ДТП…» и т. д.);

– заключение, выдвигаемое требование («Прошу: уголовное дело против Шарухи П.Г. прекратить по п.2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления») [20, с.354–355].

С большей интенсивностью тезис об относительности рассматриваемого критерия текстуальности подтверждается, если наблюдать с позиции завершенности все многообразие текстов юридического дискурса, каждый из которых будет иметь свои композиционные и содержательные особенности: жалобы, протоколы, медицинские заключения, нормативно-правовые акты, комментарий юриста и проч.

Критерий «Протяженность и связность». Данный критерий выражен в том, что текст воспринимается зачастую в форме не одного, а нескольких предложений, последовательно связанных между собой. Такая связь характерна для текстов юридического дискурса и может быть реализована различными способами:

• Фразовые и ассоциативные замещения: *Следует остановиться на каком-то ущемлении процессуальных прав Другова, которое выразилось будто бы в том, что* ***дело было рассмотрено без его участия. Этот довод*** *также должен быть признан несостоятельным* [10, с.234]. Дело было рассмотрено без его участия => этот довод.

• Местоименные замещения: <…> ***моральный вред*** *будет взыскиваться с больницы, с которой сегодня взыскивается.* ***Он*** *не с врача взыскивается, а с больницы* [8]. Моральный вред => он.

• Лексические повторы: ***Мещанин*** *всегда плывет по течению, туда, куда его несет поток, – лишь бы без лишних волнений и тревог.* ***Мещанин*** *никогда ничего не видит и не хочет видеть…* [16, с.104].

• Синонимы, в том числе контекстуальные: <…> *на месте происшествия было произведено всего несколько выстрелов при обстоятельствах, описанных в показаниях* ***допрошенных*** *по делу <…> противоречия в показаниях* ***очевидцев*** *о внешности преступника…* [Там же, с. 205]. Допрошенные => очевидцы.

Неоднозначную оценку в применении критерия лексико-грамматической связности могут вызвать юридические тексты-документы, главная цель которых – передача информации в форме перечней или списков: опись документов тома уголовного дела, протоколы изъятия, протоколы досмотра и проч. Но даже такие тексты имеют признаки связности. Рассмотрим структуру протокола изъятия вещей

и документов, который предлагается в качестве образца в Приказе Росприроднадзора от 29.06.2011 № 471 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и по результатам контрольно-надзорной деятельности».

1. Реквизиты (название ведомства, адрес, контакты).

2. Заголовок («*Протокол об изъятии вещей и документов по делу об административном правонарушении*»; дата, место составления).

3. Основная часть текста. Шаблон задается уже «вбитыми» в протокол ключевыми фразами, которые формируют порядок подачи информации в тексте. Те данные, которые мы указали в скобках, заполняются составителем текста собственноручно: *Мною, государственным инспектором (ФИО, должность, номер и дата выдачи служебного удостоверения), осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, возбужденному на основании (основание для возбуждения дела об административном правонарушении) в отношении (ФИО) при участии (ФИО свидетелей и потерпевших) в присутствии понятых (нумерованный список понятых с указанием ФИО, паспортных данных, телефонов и адресов), руководствуясь ст. 27.10 КоАП РФ, составлен протокол изъятия вещей и документов, принадлежащих (ФИО, адрес).*

Основание для изъятия вещей и документов (краткое описание обстоятельств дела, обоснование необходимости изъятия вещей и документов).

Сведения об изъятых вещах и документах (вид, количество, идентификационные признаки изъятых вещей, в том числе тип, марка, модель, калибр, серия, номер, иные идентификационные признаки, количество, вид и реквизиты изъятых документов, упаковка), обнаруженных на месте совершения правонарушения либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей.

Сведения о применении фото-, киносъемки, видеозаписи, иных способов фиксации вещественных доказательств.

4. Подписи должностного лица, присутствующих лиц, понятых, лица, у которого изъяты вещи или документы.

5. Дата.

Связь элементов в данном тексте проявляется неоднократно: наименование ведомства в реквизитах текста чаще всего имеет однокоренные слова с наименованием должности составителя текста; по всему тексту встречаются лексические повторы («протокол», «правонарушение», «дело», «понятые», «изъятие» и др.); дата в заголовке текста будет аналогична дате в заключении (особенным образом отметим, что в случае отсутствия даты в одной из этих частей документ теряет юридическую силу); закрепление упоминаемых в основной части текста лиц осуществляется их подписями в заключительной части. Основополагающий в информационном отношении отрезок текста – перечень изъятых документов и вещей – отличается от связного текста в привычном понимании, но имеет графическую связность благодаря нумерации. При этом, с позиции синтаксиса, пункты перечня в юридическом документе можно сравнить с однородными членами предложения:

– наименования документов и вещей приводятся в одном и том же падеже (именительном), выполняют одну и ту же синтаксическую функцию (подлежащее или дополнение);

– пункты в перечне располагаются контактно, друг за другом; допустима перестановка их местами, без искажения объективности конечной информации;

– каждый пункт распространяется от общего отрезка текста: **Сведения об изъятых вещах и документах**: 1…; 2… и т. д.

Как мы видим, связность – характерный критерий для юридического текста. Однако связность текста в рамках юридического дискурса должна восприниматься шире, с учетом дискурсивных особенностей: от лексики до графики и синтаксиса.

Критерий «Информативность». В качестве критерия текстуальности информативность подразумевает «наличие новой для адресата информации» [17, с.42]. Однако информативность для юридического текста является критерием факультативным. Более того, «неновая» информация в юридической практике встречается достаточно часто и может формировать новый текст:

– *В силу регламента.* Приговор суда кассационной инстанции может дублировать решение нижестоящей инстанции, пусть даже эта информация формально не является новой для адресатов-участников процесса. Нередки случаи, когда зачитывание судьей решения, включающего уже не раз прозвучавшую позицию сторон, выдержки законов, результаты допросов и проч., занимает несколько часов. Такой текст можно назвать интертекстуально насыщенным, практически неинфор-

мативным (с позиции наличия новой информации для адресата), но от этого он не перестает быть текстом.

– *В силу соблюдения юридической этики и в качестве аргумента.* Так, жалоба адвоката может практически полностью состоять из цитат иных юридических текстов (нормативно-правовых актов, судебных документов по делу), которые известны адресату, но это опять же не лишает ее статуса самостоятельного текста.

Критерий «Наличие интертекстуальных связей». В продолжение разговора о факультативном характере критерия информативности текста отметим, что интертекстуальность в юридическом дискурсе зачастую не привносит новой информации в текст, но помогает приобрести старой, уже известной информации новый смысл, дать новое содержание отрывкам текста-донора благодаря новому контексту, авторскому комментарию или сопоставлению одного элемента интертекста с другим (например, цитату из речи прокурора с цитатой из статьи закона). Таким образом, интертекстуальность становится одним из характерных признаков юридического текста.

Критерий «Согласованность формы (стиля) и содержания». Данный критерий является характерным для юридических текстов, но есть прецеденты, когда «гармония» стиля и содержания нарушается. Чаще всего такие примеры мы видим в судебной публичной речи, где в угоду привлечению внимания аудитории, выражению своей позиции, придачи тексту экспрессии мы видим нехарактерную для юридической сферы лексику: *Из аккуратной упаковки несется к читателю* ***погромный вопль*** *— «За что Христа распяли?!»* [19]. *И автор называет их имена: Урицкий, Каменев, Рыков, Зиновьев, Каганович, Мехлис, Ягода, Берия...». Рыков — хасид?! Берия — хасид?! Это уже* ***полный бред.*** *Все сомнения в том, что «Русская жизнь» тиражировала клевету, улетучиваются* [19].

Встречаются и более серьезные нарушения рассматриваемого критерия, хоть это является, скорее, исключением, нежели правилом. Так, адвокат Павел Астахов в рамках громкого процесса по делу бывшего сотрудника военно-технической разведки ВМС США Эдмонда Поупа, подсудимого по подозрению в шпионаже на территории РФ, свою защитительную судебную речь произнес в стихотворной форме, немало удивив этим судей:

Ведь правда здесь одна, она пред нами:
Он невиновен – оправдать его
Задача общая, не только наша с вами,
А общества российского всего [7].

Сам адвокат назвал такой ход криком души, полагая, что именно в стихах сможет затронуть чувства судей: «Я сидел, ночью думал, как лучше построить свою речь, как достучаться до совести, до души людей, которые взялись вершить судьбу человека при той недоказанности его вины. Поэтому ничего больше я не придумал, строчки сами выходили из-под пера » [Там же]. Насколько прием оказался действенным, судить сложно: подсудимому назначили 20 лет тюремного заключения. Но важен сам прецедент нарушения традиционного соотношения формы и содержания в тексте судебной речи в ходе реально существующего уголовного процесса. Таким образом, критерий согласованности стиля является для некоторых текстов юридического дискурса факультативным.

Критерий «Наличие речевого замысла». Данный критерий является, по нашему мнению, обязательным для каждого текста в рамках юридического дискурса. М. М. Бахтин отмечает, что в любом высказывании: «от реплики до больших, сложных произведений науки или литературы» мы можем ощутить и распознать речевой замысел, который определяет предмет, объем и жанровую форму высказывания [9, с. 263]. Так и любой из текстов юридического дискурса обязательно будет иметь замысел-минимум – передать (в случае с письменными текстами-документами зафиксировать) информацию. Но, кроме этого, автор юридического текста может ставить в качестве речевого замысла убеждение, уговор, опровержение. Основой речевого замысла может стать даже искажение действительности в глазах адресата. Сравним два отрывка юридических текстов: *Огромное значение для определения степени общественной опасности лица, совершившего преступление, имеет его поведение во время следствия и суда, его отношение к содеянному. Изворачивается человек, лжет, пытается уйти от наказания – одно, раскаивается, правдиво обо всем рассказывает – совсем другое. Это всегда учитывается, факт* [14, с. 350]. *Приговор к праву имеет весьма отдаленное отношение или не имеет никакого отношения, потому что такую хрень, которая написана в приговоре «Pussy Riot», когда обвинительными доказательствами становится поведение в процессе: что они там ухмыляются или*

прочее, ну это, извините меня… Убираем эту категорию дел — это позор правосудия [13]. Два авторитетнейших юриста и умелых оратора одни и те же факты (значение поведения обвиняемого в суде для вынесения приговора) трактуют по-разному, в зависимости от речевого замысла формируемого ими текста. Если в первом случае юрист акцентирует на примерном поведении и раскаянии подсудимого, утверждая, что это традиционно учитывается судом, то второй юрист утверждает, что приговор, основанный на «ухмылках» подсудимых в ходе заседания – это «позор правосудия». При этом ни первый, ни второй оратор не приводят логических аргументов в пользу своей позиции, а пользуются психологической аргументацией (аргумент к традиции, аргумент к вере).

В свете проанализированной информации мы можем прийти к выводу, что критерии текстуальности в рамках юридического дискурса отличаются от критериев так называемого идеального текста. Текст в институциональном юридическом дискурсе имеет *не только письменную, но и устную* форму выражения. **Завершенность** юридического текста – понятие относительное в силу разнообразия видов юридических текстов, особенностей их композиции и содержания, что делает данный критерий факультативным. Юридический текст, как правило, имеет *признаки лексико-грамматической связности,* что характерно и для понятия «идеального текста», однако текстовая связность в юридическом дискурсе может выражаться более широко, в том числе и графически. **Информативность,** под которой понимается наличие новой информации, зачастую может отсутствовать в юридических текстах или присутствовать в незначительной мере. Однако даже уже известная участникам коммуникативного процесса информация приобретает благодаря контексту, комментарию или сопоставлению с другой информацией новый смысл, новую трактовку. По сути это является реализацией интертекстуальных связей, а следующий критерий текстуальности – **наличие интертекста** – становится характерным для юридического дискурса. Что касается **согласованности формы и содержания,** стилистического соответствия, то известны примеры, когда данные критерии в текстах юридического дискурса нарушаются. Имея целый ряд особенностей, текст в рамках юридического дискурса обязательно соблюдает один из основополагающих критериев текстуальности – **наличие речевого замысла.**

Список литературы

1. Beaugrande R., Dressier W.U. Introduction to text linguistics. London, 1981.
2. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge Univ. Press, 1983.
3. Cuddon J.A., Preston C. A dictionary of literary terms & literary theory. Ed. 4. Oxford, 1998.
4. Ducrot O., Todorov Tz. Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language / Transl. C. Porter. John Hopkins Univ. Press, 1979.
5. Pastemack C.B. The textuality of Old English poetry. Cambridge Univ. Press, 1995.
6. Wimsatt W.K., Beardsley M. The Verbal Icon. Univ. Press of Kentucky, 1954.
7. Адвокат Павел Астахов – о своей стихотворной речи в защиту Поупа // Информационный портал «Newrsu». URL: www.newsru.com/arch/russia/01dec2000/interview.html.
8. Барщевский М. Стенограмма эфира передачи «Особое мнение» (от 14.09.2010) // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». URL: http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text.
9. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. Спб., 2000.
10. Ватман Д.П. Судебные речи. М.: Статут, 2006.
11. Выжутович В. Защищайте, сударь // Интернет-портал «Российской газеты». 2011. URL: http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М,, 1981.
13. Генри Резник. Наш суд не ведает сомнений // Электронное периодическое издание «Новая Газета». 2004. URL: http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html.
14. Дервиз О.В. Речь в защиту Васильевой // Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007.
15. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007.
16. Костанов Ю. А. Слово и «дело». Судебные речи. М.: Verte, 2007.
17. Москвин В. П. Понятие текста и критерии текстуальности // Русская речь. 2012. № 6.
18. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2.
19. Речь адвоката Г.М. Резника по делу журнала «Наш современник» 01.04.2003 г. // Интернет-журнал «Закон. Журнал для прокуроров и следователей». URL: http://proknadzor.ru/analit/show_a.php.
20. Смирнов В. Н., Усманов Р. Р. История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999.

* * *

1. Beaugrande R., Dressier W.U. Introduction to text linguistics. London, 1981.

2. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge Univ. Press, 1983.

3. Cuddon J.A., Preston C. A dictionary of literary terms & literary theory. Ed. 4. Oxford, 1998.

4. Ducrot O., Todorov Tz. Encyclopedic Dictionary of the Sciences of Language / Transl. C. Porter. John Hopkins Univ. Press, 1979.

5. Pastemack C.B. The textuality of Old English poetry. Cambridge Univ. Press, 1995.

6. Wimsatt W.K., Beardsley M. The Verbal Icon. Univ. Press of Kentucky, 1954.

7. Advokat Pavel Astahov - o svoey stihotvornoy rechi v zaschitu Poupa // Informatsionnyiy portal «Newrsu». URL: www.newsru.com/arch/russia/01dec2000/interview.html.

8. Barschevskiy M. Stenogramma efira peredachi «Osoboe mnenie» (ot 14.09.2010) // Sayt radiostantsii «Eho Moskvyi». URL: http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text.

9. Bahtin M. M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnyih nauk. Spb., 2000.

10. Vatman D.P. Sudebnyie rechi. M.: Statut, 2006.

11. Vyizhutovich V. Zaschischayte, sudar // Internet-portal «Rossiyskoy gazetyi». 2011. URL: http://www.rg.ru/2011/11/18/padva.html.

12. Galperin I.P. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M,, 1981.

13. Genri Reznik. Nash sud ne vedaet somneniy // Elektronnoe periodicheskoe izdanie «Novaya Gazeta». 2004. URL: http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html.

14. Derviz O.V. Rech v zaschitu Vasilevoy // Ivakina N.N. Osnovyi sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov): ucheb. posobie. M.: Yurist', 2007.

15. Ivakina N.N. Osnovyi sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov): ucheb. posobie. M.: Yurist', 2007.

16. Kostanov Yu. A. Slovo i «delo». Sudebnyie rechi. M.: Verte, 2007.

17. Moskvin V. P. Ponyatie teksta i kriterii tekstualnosti // Russkaya rech. 2012. № 6.

18. Palashevskaya I.V. Zhanrovaya organizatsiya yuridicheskogo diskursa : sotsiolingvisticheskiy podhod // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2012. № 2.

19. Rech advokata G.M. Reznika po delu zhurnala «Nash sovremennik» 01.04.2003 g. // Internet-zhurnal «Zakon. Zhurnal dlya prokurorov i sledovate-ley». URL: http://proknadzor.ru/analit/show_a.php.

20. Smirnov V. N, Usmanov R. R. Istoriya advokaturyi Srednego Urala. Ekaterinburg: Gumanitarnyiy universitet, 1999.

Considering the peculiarities of text understanding in the law discourse

There are regarded the criteria of textuality. There are determined the peculiarities of text understanding in the law discourse.

Key words*: text, discourse, law discourse, criteria.*

(Статья поступила в редакцию 21.10.2014)

С. Г. БУДАНОВА, А.Г. РЯБИНИНА
(Краснодар)

ТИПЫ ВТОРИЧНОСТИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Определена и описана особая текстовая категория «вторичность». Предпринята попытка разграничения текстов рекламы, представленной в разных форматах и характеризующейся признаком вторичности, на следующие типы: метатекстовую, сюжетно-образную, композиционно-структурную, дискурсивную, ситуативную и просодическую вторичность.

Ключевые слова: *текст, рекламный текст, вторичность, типы вторичности.*

В современном мире наблюдается расширение текстового пространства, что обусловлено синкретичным функционированием во многих областях человеческой деятельности разных видов дискурса (научного, учебного, рекламного и др.). Данный процесс приводит к порождению специфических речевых произведений, особенность которых заключается в отсутствии или наложении основных первичных свойств формально-структурного, лексического, грамматического, прагматического и других уровней и, как следствие, в наличии содержательной и/или композиционной несамостоятельности.

Подобные текстовые образования возможно рассмотреть в структурно-семантическом и прагматическом аспектах, для того чтобы выявить их трансформационные характеристики.

© Буданова С.Г., Рябинина А.Г., 2015